

Глава 17. Компромисс

К сожалению, никто не мог долго поддерживать эмоциональный подъем, и в случае с неким Гарри Поттером вероятность этого практически отсутствовала. Как он и размышлял ранее, его жизнь не была простой, не была она и спокойным, безмятежным и праздным дрейфом по течению. Нет, его жизнь больше походила на путешествие по бушующим порогам или плавание в пасть чудовищного урагана. Независимо от того, жизнь ли это Гарри Поттера или же кого-то более... обычного, – суровая реальность рано или поздно настигает всех, бросая в самый эпицентр серых повседневных будней.

В случае Гарри это было не одиночное событие, которое сбило молодого мага с его предыдущего эмоционального пика. Нет, это была целая серия причин, обрушившихся на него разом, и падение не было медленным снижением, – как можно было бы ожидать – а скорее было быстрым и внезапным крушением.

Всё началось, само собой, с того, что ревун Молли Уизли накричал на его лучшего друга. Тот факт, что матрона Уизли не принесла ни слова в качестве извинения, не произвёл на Гарри и ни малейшего позитивного впечатления, – равно как и не успокоил Гермиону. Рассказ о её беседе со своими детьми выступил лишь в качестве утешения, чтобы Гарри знал, что женщина больше не повторит своих действий в отношении ревуна. Однако Гарри также осознал, что Молли ожидает, что дети просто забудут об этом неприятном деле и проигнорируют его, не требуя должного процесса раскаяния и извинений. Несомненно, в следующий раз, когда она увидит их, матрона будет вести себя так, словно ничего и не случилось и, как всегда, попытается задушить их своей любовью и тёплыми, собственническими объятиями, – как это бывает обычно. Она могла считать этот вопрос закрытым, но для Гарри и Гермионы, пока извинения остаются невысказанными, Молли Уизли будет прощена, но эпизод категорически не будет забыт.

В течение нескольких дней после этого события Гарри ловил себя на том, что реагирует на братьев и сестру Уизли с чуть большей холодностью, чем когда-либо прежде. На самом деле и Гермиона, и Флер вели себя похожим образом. Гарри понимал, что это отчасти несправедливо, поскольку дети действительно не виноваты в действиях своей матери, но, видимо, они смогли правильно расшифровать их отстранённость. В любом случае, Уизли с пониманием отнеслись к ним, и дали Троице некоторое время смириться с этим событием, предоставив им необходимое пространство. Это не заняло много времени, и вскоре друзья снова были также близки, как никогда.

Единственное, как ревун повлиял на самого Гарри, – это заставил его задуматься о взрослых женщинах в его жизни и представить их в некой перспективе. Теперь он осознал, что его первоначальная реакция на Молли Уизли как на мать стала простым следствием того факта, что в его жизни никогда не имелось такого человека. Тетя Петунья уж точно не фигурировала в образе матери, и за исключением Миссис Фигг, – которую он считал скорее сумасшедшей старой бабушкой, чем кем-либо ещё, – он на самом деле не имел никаких контактов с другими взрослыми женщинами, кроме профессора Макгонагалл, которая также не соответствовала образу матери.

Зеленоглазый волшебник быстро пришёл к выводу, что Миссис Уизли, при всех её

достоинствах, тоже не подходила под описание того, какой, по его мнению, должна быть мать. По крайней мере, она не была такой, какой, как он считал, была бы его мать. Если бы у него был образ матери на протяжении всех лет его становления, Гарри сказал бы, что он всегда надеялся, что она будет любящей и доброй, готовой поддержать его во всём и спокойно помочь ему исправить свои недостатки, как и положено матери. Гарри прекрасно осознавал, что его представление о матери искажено и представляет собой уровень совершенства, недостижимый никем. И всё, что он услышал от других, заставило его поверить, что Лили Эванс была сильной женщиной, с упрямым складом ума и с характером, склонным к некоторой вспыльчивости. Тем не менее, Гарри был совершенно уверен, что она обеспечила бы ему любящую и позитивную среду для роста, – если бы прожила достаточно долго, чтобы сделать это. Конечно, такие мысли порождали новое чувство утраты, но к этому Гарри уже привык.

'Итак, если Молли Уизли не представляет собой фигуру матери, то какую роль она играет в моей жизни?'

Чем дольше Гарри думал об этом, тем больше убеждался, что она исполняет роль назойливой тётушки, вечно сующей свой нос в жизнь племянниц и племянников, подавляя их совершенно ненужным – и, возможно, несколько надуманным – уровнем привязанности. 'Описание вполне подходит миссис Уизли' – понял Гарри, хотя и подозревал, что и женщина, и её дети, вероятно, обидятся, если он когда-нибудь так охарактеризует её перед ними.

Напротив, его идеал матери быстро воплощался в жизнь Аполлиной Делакур. Она была больше приближена к тому, какой он представлял себе свою мать – она была твёрдой и непреклонной, когда того требовала ситуация, но в то же время она была готова отступить и позволить своим детям жить своей жизнью, давая советы, когда её спрашивали. Гарри не мог сказать, что хорошо её знает, но он уже чувствовал себя с ней комфортно. 'И это было к лучшему' – подумал он, ведь однажды она станет его матерью. Или, по крайней мере, она станет его тещей – матерью-по-закону.

Независимо от того, что Гарри думал о матери Уизли и о том хаосе, который её действия причинили его душевному равновесию, прошло всего несколько дней, прежде чем его чувства успокоились, и он смог оставить это позади, – хотя и не забыл. В его сознание вторглись другие, более насущные заботы, которые заменили драму с Уизли. Избегание его Малфоем оказалось довольно-таки временной передышкой, так как после ревуна тот вернулся с удвоенной силой, – хотя, казалось бы, с новой целью. Хотя Слизеринец не исключал Гарри из своих язвительных комментариев, теперь он использовал любую возможность, чтобы насмеяться над Гермионой. Блондин докучал ей, спрашивая её о том, “как продвигаются её кампания по тому, чтобы стать любовницей Гарри”, либо “как она ладит с Миссис Уизли”, – и всё, что только мог придумать его большой разум, способное выставить девушку в негативном свете. Гермиона посоветовала Гарри не обращать внимания на эту чепуху, и хотя Гарри больше всего на свете хотел бы ударить Малфоя в самое больное место, он был вынужден согласиться со своей подругой, что хорёк не стоит его времени и усилий. Помогло и то, что Малфой не осмелился приблизиться к тому же уровню грубости, за который Снейп сделал ему выговор – похоже, эти слова оказали довольно большое влияние на малфоевское отродье. Или, возможно, это был просто страх, что его снова вызовет на ковёр Глава Дома. Вскоре оказалось, что то, что Гарри не обращал на него внимания, обернулось к лучшему, так как они несколько раз обнаруживали, что Амбридж наблюдает за ними, пока Малфой извергал поток бранных слов из своего рта. Без сомнения, розовая жаба надеялась поймать Гарри, агрессивно отвечающего на

насмешки этого придурка, и приступить к своей задаче доказать Мальчику-Который-Выжил, что он смутьян и баламут, – которая до сих пор была загнана в тупик его контролем над своим темпераментом.

Последнее, что начало завладевать вниманием Гарри, была вышеупомянутая профессор Защиты и её занятия. 'Эта женщина представляет собой угрозу' – быстро решил он. Она, казалось, была полна решимости подтолкнуть Гарри к действию, используя любой метод, который только могла придумать. Гарри, с его новообретенной зрелостью – не говоря уже о всеобъемлющей и вездесущей помощи его самого близкого друга – сумел противостоять её всё более откровенным попыткам. Однако это очень раздражало его, словно жужжащая над ухом муха, и ему отчаянно хотелось поставить женщину на место.

Прошло больше месяца с начала занятий, и стало совершенно очевидно, что их первоначальная оценка её занятий была верной – они практически ничему не научились за всё это время, – и Гарри глубоко сомневался, что дела пойдут лучше, пока она остаётся в Хогвартсе. В конце года, когда на горизонте замаячили СОВы, даже Гарри, который всегда считал Защиту более легкой, чем большинство других студентов, начал слегка беспокоиться о том, как ему удастся сдать экзамены без какого-либо практического опыта.

Однако, по иронии судьбы, больше всего его раздражали не розовая жаба и не хореk, как можно было ожидать. Этот диссонанс начал своё проявление в том нелепом предложении, которое Луна сделала в тот вечер за ужином – идея открыть Клуб Защиты. Конечно, он желал выучить материал для Защиты СОВы в этом году, и он с радостью принял бы участие в таком клубе, если бы он существовал, – но мысль о том, чтобы управлять им самому, не была чем-то, что он хотел рассматривать. Зеленоглазый маг не только не считал себя достаточно квалифицированным для того, чтобы преподавать материал своим сверстникам, но также оказала влияние и его решимость улучшить свою общую успеваемость. Он был уверен, что принятие на себя такой ответственности, которую предложила Луна, негативно скажется на других его предметах, в которых он не настолько хорош, как в защите. Он чувствовал, что не имеет смысла концентрироваться на предмете, в котором он и так хорош, за счёт других, которые, как ему казалось, требовали углублённых усилий.

Его друзья, однако, смотрели на это иначе. Это стало частым предметом разговоров не только среди учебной группы, но и среди некоторых других их друзей в Гриффиндорском Доме. Казалось, не проходило и часа, чтобы кто-нибудь снова не заговорил о возможности создания какого-то Клуба Защиты. Затем, неизбежно, их взгляд будет блуждать в его направлении, а комментарии будут сделаны без какой-либо тонкости вообще, и Гарри поймает себя на том, что снова становится раздражённым этой темой – и так неоднократно.

Ещё более невыносимыми, конечно, были его друзья, которые пользовались любой возможностью, постоянно указывая на то, что никто не может сравниться с ним в отношении Защиты, и что им действительно пора начать планировать создание клуба. Но хотя все его друзья в той или иной степени были вовлечены в это, самыми злостными преступниками оказались Флер и Гермiona. Последняя, похоже, была особенно полна решимости лицезреть его во главе этого так называемого клуба.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1283411>